

Алексей Дельви́г

КАПЛЯ ДЁГТЯ В КУПЕЛИ СОЦИАЛИЗМА

Алексей Дельви́г

**Капля дёгтя в купели
социализма**

Повесть написана на стыке таких жанров, как абсурдистская историко-социальная фантастика и фантасмагорическая фэнтези с выраженным юмористическим привкусом, и представляет собой хаотичные, но связанные единой логической цепочкой, воспоминания фиктивного героя по имени Едрит Революционич Пыль. Действие происходит в Советском Союзе в 80-е годы прошлого века в воображаемом Крайневосточном крае в городе Краснопролетарске. Читатель столкнётся с множеством бестолковых личностей и идиотических ситуаций, которые создают ощущение окружающего шизофренического делирия и оправдывают возникновение защитного чувства отстранённой философичности, которая предоставляет единственную альтернативу царящему бредовому фарсу и позволяет выжить в том и, пожалуй, в не меньшей степени в этом постмодернистском театре абсурда.

Содержание

[Резюме](#)

[Вместо введения](#)

[Глава 1. Командировка без темы](#)

[Глава 2. Завещание Вождя мирового пролетариата](#)

[Глава 3. Дикая природа марксизма](#)

[Глава 4. Логическая концовка марксистской философии](#)

[Глава 5. Приезд Вождя народно-освободительного движения](#)

[Глава 6. Преступление за фазу развитого социализма](#)

[Глава 7. Изуверская алхимия Мастера Гэ Хун](#)

Резюме

Повесть написана на стыке таких жанров, как абсурдистская историко-социальная фантастика и фантасмагорическая фэнтези с выраженным юмористическим привкусом, и представляет собой хаотичные, но связанные некоей единой бредовой логической цепочкой воспоминания фиктивного героя по имени Едрит Революционч Пыль. Действие происходит в Советском Союзе в 80-е годы прошлого века в воображаемом Крайневосточном крае в городе Краснопролетарске. Начинается повесть с вполне сколь невинной, столь и нелепой командировки корреспондента областной газеты «Вечерний Набат» Е. Р. Пыля в Москву, в результате которой герой становится генералиссимусом войск стран Варшавского договора. Проведя героя через множество приключений, как например путешествие на марксистскую планету Мар(к)с, повествование заканчивается описанием сумбурной миссии тов. Пыля в японском замке Фукутсуна-широ в районе храма Мицуминэ недалеко от Токио, где главный герой нейтрализует изуверского алхимика с антимарксистским уклоном по имени Гэ Хун. Читатель столкнётся с множеством бестолковых личностей и идиотических ситуаций, которые создают ощущение окружающего клинического шизофренического делирия и оправдывают возникновение защитного чувства отстранённой философичности, которая предоставляет единственную альтернативу царящему параноидальному фарсу и позволяет выжить в том и, пожалуй, в меньшей степени в этом постмодернистском мировом театре абсурда.

Книга рассчитана на читателя старше шестнадцати лет и будет особенно интересна тем, кто помнит советские реалии.

Вместо введения

Саратов, [уполномоченному Наркомпрода] Пайкесу... советую назначать своих начальников и расстреливать заговорщиков и колеблющихся, никого не спрашивая и не допуская идиотской волокиты. ^[1]

Эту книгу написал Берлинский собственный корреспондент газеты «Вечерний Набат» (как эту газету только не называли!) Едрит Революционыч Пыль, а нашёл я её в свою очередь на московской помойке (где ей и место!) в виде нескольких тетрадей, мелко исписанных от руки приятным мужским почерком. На первой странице было обозначено название — «Велеречивость восьмидесятых, или Капля дёгтя в купели социализма». Посчитав его слишком вычурным, я оставил только вторую часть после союза «или»... Привожу эту информацию, так как из этого следует однозначный вывод: автор писал о 1980-х годах, то есть это не имеет никакого касательства до времени сегодняшнего! Ибо *«Ходить бывает склизко по камешкам иным. Итак, о том, что близко, мы лучше умолчим»* ^[2]... Как бы то ни было, ни за одно слово в этом произведении я не в ответе — это всё он, хандрыга, сквернавец и остолбень! Поэтому любые интерполяции, аллюзии, ассоциации и инсинуации, а также попытки расшифровки скрытой метафоричности или трактовки иллюзорного эзоповского языка по меньшей мере неуместны!

Что известно об этом диссидентствующем отщепенце, авторе сего так называемого произведения? Внимательный читатель определит некоторые факты биографии сего баламошки, который окончил филологический факультет

Краснопролетарского университета (курс проф. Н. А. Строглазова). Потом его трудовой путь пересёкся с вышеназванной газетой «Пустошный Нефтырь» города Краснопролетарска (бывший Николайвторойск) — областного центра Крайневосточного края на берегу Японского моря. Очевидно также, что тов. Пыль сделал прямо-таки молниеносную военную карьеру, получив чин генералиссимуса стран Варшавского договора, а также ряд высших наград от Японского Императора.

Заинтересовавшись таким противоречивым автором, я прилагал всяческие усилия, чтобы с ним познакомиться лично. Например, по моему телефонному запросу в редакцию, её главный редактор тов. Напопов,

явно перед этим что-то напевавший, подтвердил присутствие госп. Пыля по эту сторону добра и зла, но в дальнейшие разъяснения, увы, не пустился. Таким образом, факт существования такого человека налицо и может быть подтверждён на уровне отдела кадров, личного листка по учёту кадров и трудовой книжки.

Неизбежным следствием реальности Е. Р. Пыля является то, что именно к сему индивидууму и должны быть направляемы все возражения, сомнения, притязания на авторство, недовольства, предложения, критика или, к примеру, возмущения и угрозы, как на покусившегося за заветное, привычное и родное. Ему же можно посылать враждебные, неблагожелательные, гневные и даже негодующие отзывы, запросы и уведомления, вкупе с повестками и анонимными письмами, и наконец курьеров с депешами скверного рода. Тем более что вы даже не представляете, какое негодование воспоминания Е. Р. Пыля вызвали у вашего покорного слуги! Всё это чистейший поклёп и вздор! Понимая, как это может выглядеть несправедливо, я с неохотой принял твёрдое решение стойко принимать на себя добрые слова, неуёмную похвальбу, щедрые дары, высокие и высочайшие награды, заоблачные чины, стремительные повышения по службе, заграникомандировки, ордена, гонорары, превозношения и преклонения вплоть до обожествления и идолопоклонства. Всегда надо уметь идти на дипломатический компромисс!

Мне же — всего лишь как остывшему от первых неоднозначных впечатлений и горьких раздумий составителю — показались хоть и весьма спорными, но, тем не менее, привлекательными нехитрые рассказы этого автора, месторасположение которого представляет самую что ни на есть всамделишную и вполне реальную тайну. Даже моя личная поездка во время заслуженного отпуска в Краснопролетарск в

редакцию газеты «Толоконная Тартыга» так и не пролила свет на этот вопрос! «*Тайна сия велика есть*»^[3].

Посему, исполняя заветы великого Вождя, без лишней волокиты и крючкотворства передаю на суд благосклонной публики труд сей!

Примите же мои уверения в моей искренней привязанности и преданности и засим остаюсь искренним почитателем вашим.

Алексей Дельви́г

Глава 1. Командировка без темы

Развалил лесину на поленья
Он одним движением руки...
Мужики спросили:
«Кто ты?»
«Ленин!»
И остолбенели мужики!^[4]

Это было давно и неправда, как говорится. Да и было ли вообще — трудно сказать. Одно точно и бесспорно помню: Генсеком был некто товарищ Нефёдов или, по здравому размышлению, Н. Е. Фёдов. Его мало кто уже помнит, так что не утруждайте свою память! Всё равно не вспомните! Думаю, что он сидел за что-то, потому что про него обычно писали в газетах, что *«в заключение тов. Н. Е. Фёдов сказал следующее...»*. Это, пожалуй, всё, что мне известно на эту тему.

Кстати, о самом понятии *«тема»*. Кто учился на факультете журналистики университета дальневосточного города Краснопролетарска, или на журфаке, как мы его звали, неотвратимо должен был знать профессора Настроглазова или, скорее, Н. А. Строглазова. Как-то на внеочередном курсовом задании он учил нас поиску и нахождению правильных идейно-выдержанных тем, но я сачканул и так и не научился научно-обоснованно и партийно-изысканно искать и находить актуальные, то есть, другими словами, легко и за дорого продаваемые темы своих статей. А это в нашей работе — важнейший фактор продвижения по карьерной лестнице. В результате моя жизнь

изобиловала довольно типичными бестемными событиями, как, например, та самая довольно странная командировка без четко определенной темы, о которой я и хочу здесь рассказать.

Окончив журфак, я работал в какой-то скверной районной газетенке с обычным названием вроде «Вечерний Набат». Между собой мы называли ее «Вонючий Крысец», порой просто «Вонючка», а чаще всего вообще произвольно. От высокопартийных и идеологически-искрящихся статей я отлынивал, мотивируя тем, что я не умею писать на такие темы вследствие прогула соответствующей лекции проф. Строглазова. Соответственно, писал я всё больше про надои, награды тружеников села, наделы и переходные вымпелы, награбленные у пролетариата миллионы (это про растленный Запад, конечно), нагрудные знаки, накладные, доверху нагруженные вагонетки с углем, уходящие цепочкой к барханам Узбекистана...

— На-на-на, — напевал главный редактор, или главред, тов. Напопов.

Я решительно отказываюсь на этом самом месте назвать, как именно мы его называли... Могу о нём только нашептывать вам под большим секретом, что Ж..., извините, тов. Напопов, любил в той нашей нехитрой жизни три вещи: артиста Наливайко, по неведомому просветлению судьбы, Пабло Небуду и нализаться в несусвет, со всей душой отдавая последней страсти всё свое свободное (и несвободное) время.

— Ты кто, Пабло? — заикаясь через каждый слог, выдавил Ж.

— Скорее артист Наливайко, — обреченно ответил я.

— Одион Иваннч... ик. Молю... Навет... Недруги... Надули... Настроение наверху... Поэтому нужна тема! — четко сформулировал главред (знал ведь, гад, что нет у меня темы и не было никогда).

— Всех в окопы! Пулемет ставим на водокачку. Траншеи роем по горло, чтоб ни одна собака! Лично побегу сейчас же отремонтировать броневик! — отчеканил я, сделал суровое лицо и, потрясая одним кулаком, звонко ударил вторым по портрету тов. Н. Е. Фёдова, который опять из заточения давал нам ценнейшие директивы.

— Помилуйте! Этого недостаточно! — недоверчиво, как будто что-то вспоминая, пролепетал главред и на всякий случай отодвинул подальше портрет очередного, всеми горячо любимого Вождя пролетариата.

— Тогда командировку в Москву. На неделю. В лучшую гостиницу. Подключаем МИД, а в результате ваш портрет на Кремлёвской стене, и вы выходите чистым! — выпалил я, так как мне давно хотелось поехать в Москву и съесть знаменитое гумовское мороженое.

— Согласен! — совершенно трезвым голосом сказал Ж. и не без удовольствия добавил:

— Заодно по дороге прочтешь лекцию в подведомственной сверхсекретной военной части «Пострелёнок»!

Тут главред меня поймал — нам периодически приходилось ездить в эту военную часть, но никто делать это не любил, и Ж. пускался на всяческие ухищрения, чтобы вот такого рода приёмчиками заманить очередную жертву на растерзание.

Прибыв в «Пострелёнок», я тут же попал в огромный актовый зал. Я оглядел одинаковые стройные ряды людей в военной форме суперсекретных войск в погонах и без оных, за микросекунду до начала речи совершенно не представляя, что я всё-таки буду говорить, но речь полилась сама собой:

— Бойцы! Друзья! Офицеры и минометчики! Весь мир знает о вашей замечательной суперсекретной части с

двусмысленным названием «Пострелёнок» и чем вы тут занимаетесь, а потому для меня особая честь выступить перед вами! Моя речь будет краткой, как выстрел из бронебойной пушки! Передаю вам привет от сотрудников нашей газеты «Вонючий Напев», пардон, «Напевный Раздрай», которые как один находятся под мухой, то есть, я хотел сказать, под штыком. А штык, как мы знаем, не дремлет, а стоит на запасном пути... Все вы и все мы — отличники боевой и политической подготовки, и это нас сближало, сближает и ещё больше будет сближать в эти скверные, то есть прекрасные столетия пандемий, то есть пантеизма! Но это ещё не всё, что я хотел сказать. Мы взяли на себя обязательство нести это знамя, свято хранимое нашим Вождём тов. Н. Е. Фёдовым в застенках, откуда мы только порой слышим его умирающий, но всё такой же душераздирающий голос. И мы его, это знамя, господа минометчики, несём! И будем нести, несмотря на провокации адептов мирового империализма...

Дальше я говорил в том же духе еще минут тридцать, после чего стал подумывать о том, как бы мне потихоньку выйти из этой белиберды:

— Вдумаемся в эту цифру — $1/6$ планеты Земля покрыта абсолютно вечной мерзлотой! Это вам, товарищи подпрапорщики, не фунт семечек! Найдутся те, кто скажут: «СЕМЕЧКИ БЫВАЮТ РАЗНЫЕ!» Что мы им ответим, товарищи?..

Сзади за столом неосторожно брякнул стакан, и командир дивизии со страху проорал:

— Не сдадим ни пяди... матросы и матроски!

— Вот — это настоящее мужество! — продолжил я, понимая, что разливаемое за моей спиной может быстро кончиться, почему мне не следует так быстро отпускать комдива.

— Давайте, товарищи бронелётчики, поприветствуем комдива и попросим его поделиться с нами его

воспоминаниями о битве на Халхин-Голе.

Комдив взглянул на меня с ненавистью, потом жестом заверил, что разливаемого хватит, и, геройски выпятив грудь, скомандовал:

— Отставить воспоминания! Время сейчас не то. Прямо скажем — тревожное время! Вот, как оказалось, и наш страстно любимый Вождь тов. Н. Е. Фёдов попал под собственный дамоклов меч, так сказать. К тому же у партии под прицелом сначала страда, потом стрельбища, потом Женечка из пищеблока... Разззойдись!

После беседы, застолья и прослушанных мною совершенно секретных, но, тем не менее, довольно занимательных разговоров про милитаризацию Марса, рытье секретного канала Кремль — Белый дом и, согласно планам по демилитаризации космоса за номером 11/Б, перенесение ракет с базы на Венере на невидимый малый спутник, висящий прямехонько над Белым домом, мы сели писать ноту протеста. Поскольку нота давно созрела, она была составлена по всем законам, которые нам втолковывал проф. Н. А. Строглазов с применением устойчивых выражений типа: *«вызывает настороженность»*, *«МИД хотел бы выслушать разъяснения»*, *«ТАСС уполномочен заявить»*. Она была так хороша, что я её подмахнул именем Пабло Небуды, после чего ноту подписали все офицеры, а потом и все бойцы суперсекретной военной части. Я всех поблагодарил за доверие, показал милитаристскому Западу кулак, сунул ноту в карман и тотчас забыл о ней^[5].

На другой день меня на какой-то огромной сверхсекретной зенитной установке привезли на вокзал прямо к поезду, и я с нахлобученной набекрень больной головой поехал дальше в Москву, совершенно не представляя, как я буду подключать МИД, и еще

меньше, как портрет Ж. я помещу на Кремлёвскую стену. Однако самую большую загадку составляло присутствие в моём чемодане двух табличек с аккуратно написанными призывами: «*Свободу Анджеле Дэвис!*» и «*Свободу тов. Н. Е. Фёдову!*».

В поезде все восемь дней я вёл себя смиренно, пытаюсь набросать всю ту сверхсекретную информацию про ракеты, дислокацию военных спутников и тому подобное, что я услышал в военной части. На табличке с надписью «*Свободу Анджеле Дэвис!*» я резал колбасу и хлеб, а на второй — помидоры, курицу или жареное мясо неизвестных науке животных, смотря по тому, что удавалось купить на станциях. Периодически приходившие в себя попутчики вяло интересовались, почему Н. Е. Фёдову надо непременно дать свободу, на что я политически грамотно и безапелляционно рассказывал о многочисленных приключениях нашего Генсека в селе Шушенском или в Разливе. При названии этих населённых пунктов они замирали, тщетно пытаюсь что-то вспомнить, а потом, махнув рукой, снова с понятным воодушевлением желали до последней капли здоровья и свободы неувыдаемому Вождю пролетариата.

Уже в Москве на вокзале мы долго прощались, а я на радостях даже подарил одному из попутчиков, сумевшему сохранить подобие человеческого облика, табличку про Анджелу Дэвис, потому что это была «*любовь всей его горемычной жизни*», как он гордо заявлял. А вот те двое в черных плащах возникли ниоткуда, когда я выходил из московского вокзала в прямом смысле в никуда, так как не представлял ни что я буду делать, ни как выполнить план командировки, ни даже где ГУМ с его вкуснейшим мороженым.

— Ваше командировочное удостоверение! — блёкло сказал блёклый человек с блёклыми глазами.

Я стиснул зубы, вспомнив, что одна бутылка была прикопана в кобуре комдива, и сурово сказал:

— Ни пяди не отдадим!

Меня заслуженно стукнули головой о первый же фонарный столб и с ловкостью иллюзиониста вытащили все мои документы, схемы секретных ракет, табличку с разнообразными пожеланиями генсеку^[6] из наглухо зашитого нательного мешочка.

— А это что такое? — замшело спросил второй замшелым тоном, повертев перед моими глазами нотой протеста, пока Блёклый размеренно бил меня под дых.

— К тому же у тебя тут секретные документы, табличка с порочащими честь Вождя пожеланиями, а также... — начал еле слышно блеять Блёклый, не отвлекаясь от своего привычного дела ни на секунду.

— По приказу комдива секретного спецподразделения! Нота правительствам всех стран из газеты «Застойный Жмых». Передать в МИД. В случае поимки — съесть! — уверенно сообщил я и добавил отрепетированным тоном опытного лектора:

— Остальные документы я должен передать вместе с нотой САМОМУ!

Блёклый и Замшелый томительно задумались, потом стали читать ноту.

— Написано по всей форме! *«МИД уполномочен и посему вызывает посла для дачи объяснений»... «Верительные грамоты засим предоставлены в полном объеме согласно уставу ООН»...* Влипли мы с тобой! Фамилия как твоя, малец?

— Наливайко — личный представитель Пабло Небуды на переговорах!

— Мы в вашем распоряжении! — отчеканили Замшелый и Блёклый.

— В МИД. И поскорее (мне хотелось выпить — ах, чёртова бутылка в кобуре...)! — военным голосом сказал

я и предоставил всю заботу о моей скромной персоне новым друзьям.

В МИДе меня ждали и провели сразу к Министру, которому я и передал ноту протеста.

— Умеют писать, черти! — восхищенно оценил ноту Министр и прибавил почти шепотом:

— Как поживает тов. Небуда?

— Я не уполномочен никому сообщать даже под пыткой какие-либо обстоятельства по поводу его личности, но Вам могу довериться, что тов. Пабло перешел на нелегальное положение.

— Прекрасно! Согласно невидимой линии партии мы давно с ним вели переговоры на эту тему!.. Могу ли я спросить про месторасположение тов. Небуды? — робко поинтересовался Министр.

— По понятным соображениям, он находится в ненаселённом больше никем пункте между Разливом и Шушенским! — отрапортовал я и увидел в глазах Министра уже ставшую знакомой попытку вспомнить что-то по поводу этих географических названий.

— Прекрасно! Простите мне моё любопытство! Я сообщу об этом кому следует, а ЭТО (Министр указал глазами на ноту) пойдет по назначению! ТАМ (Министр перевел глаза на потолок) давно ждали этот документ^[Z]! Ну а вы, конечно, в нашу лучшую гостиницу... Напитки, естественно, бесплатно... Впрочем, ВСЁ бесплатно! — Министр сделал абсолютно геометрически круглые глаза, чем меня приятно удивил:

— ВСЁ в Вашем распоряжении! Недельки вам хватит? Ещё какие-нибудь будут распоряжения?

— У меня из сверхсекретной военной части «Пострелёнок» новейшая документация по ракетам и спутникам для Военного Министра, а также собранные мною пожелания по случаю освобождения тов. Н. Е.

Фёдова из заключения для передачи ему в собственные руки! — уже не очень понимая происходящее, выпалил я на последнем издыхании и прибавил:

— Мне бы у Кремлёвской стены ещё...

— Вам ещё рановато, но со временем может быть! — с легким добродушным смехом пошутил Министр.

— Дело не в этом. Официально я в командировке, а человек я известный (Министр закивал). Надо отбросить на Кремлёвскую стену изображение портрета моего прикрытия — главреда газеты «Сгнившая Правда» тов. Ж., пардон Напопова. Официально-то я представитель газеты... Вы понимаете, что я имею в виду?! Потом фотографируем, портрет снимаем, а фото и есть, так сказать, цель или, лучше сказать, тема моей командировки. Всё понятно?

— Прекрасно всё продумано! Охватывает, так сказать, законная гордость, когда видишь, как работают там, где следует! Не извольте беспокоиться! Все сделаем в лучшем виде! Вам туда, к стене этой, и ехать не придётся — ещё, как мы тут шутим, успеем! Повторяю — ВСЁ в вашем распоряжении! — с профессионально добродушным выражением лица ответил Министр, после чего с немым изумлением посмотрел на дребезжащий золотой телефон размером с матёрого волка.

— Он ведь даже не подключён... — пробормотал Министр, бросаясь к телефону и хватая трубку двумя пальцами.

Трубка зарокотала голосом Вождя всего прогрессивного человечества, и по мере этого рокотания Министр съёживался с такой стремительной скоростью, что я даже стал беспокоиться, не исчезнет ли он совсем.

— Это был САМ... На крыше вас уже ждёт ЕГО личный бесшумный и невидимый вертолёт. ОН сам хочет посмотреть на приветствия трудящихся! Кстати,

покажите мне их! — оживая с каждым словом выдавил из себя Министр.

Лучше бы он этого не делал, так как после увиденного он впал в пароксизмальную каталептически-судорожную летаргию^[8].

На крыше я с трудом нашёл невидимый вертолёт, о который я всё же с непривычки изрядно приложился лбом. Поэтому в кабине мне было не до любования парадными видами Москвы с высоты птичьего полёта, так как я лихорадочно искал что-нибудь холодное, чтобы приложить на раздувающуюся над переносицей шишку. Моментально вникнув в ситуацию, без лишних вопросов пилот нажал на какую-то кнопку, и передо мною выдвинулся столик с обжигающе ледяной бутылкой, которая после весьма непродолжительного времени, нехитрых манипуляций и нескольких солёных огурцов и была-таки приложена ко лбу совершенно пустой.

Поскольку через бутылочное стекло мир изменился до неузнаваемости, я мало обращал внимание на переходы, покои и залы Кремля, через которые два одинаковых генерала вели меня под руки. Шли долго, так что к САМОМУ я попал уже вполне здоровым, если не считать немного заплетающегося языка, что я относил к отдалённым последствиям травмы головы. Фотографии Н. Е. Фёдова в период его вождизма не покидали первые полосы всех без исключения газет, включая и наш «Мерзкий Звонок», так что любопытный читатель сам сможет составить своё информированное мнение о его внешности, если захочет. А поэтому перейду сразу к описанию нашей встречи, которая происходила в кабинете тов. Фёдова, богато декорированного книжными полками с полными собраниями сочинений классиков истмата... Я знаю, что

вы подумали, но это переводится всего лишь как *«исторический материализм»*.

— Здравствуйте, любезнейший тов. Наливайко! Ведь именно такой фамилией-прикрытием вы предпочитаете пользоваться? — начал с любезностью партийного разлива Вождь всех народов. Потом, присмотревшись к моему лицу, ОН вдруг сменил тему и поинтересовался тоном паука, вонзающего своё ядовитое жало в несчастную жертву:

— У вас побитое лицо. Неприятности?

— Пролетарский привет от сотрудников газеты «Скоблёный Сиволап»! А лицо... защищал ваш портрет в неравной схватке с разгневанным народом... — ответил я, стараясь скрыть мучительное икание.

— Я уже осведомлён! Покажите, что там у вас! — властно повелел слуга народа тов. Фёдов.

Мне терять, кроме, конечно, моего места в газете «Фуфлыжная Глазопялка», было нечего, а потому я протянул ЕМУ табличку, неведомо какими судьбами затесавшуюся мне в чемодан после приснопамятного доклада в сверхсекретной военной части «Пострелёнок». После двадцатиминутного изучения Генсек сказал, откинувшись в кресле:

— Ну что ж, народ пребывает в здоровом теле, чего на свой лад и мне желает! Это приятно, а некоторые пожелания даже бьют точно в тему! Ведь Вы, кажется, учились у профессора Н. А. Строглазова, не так ли?.. Но вот ума не приложу, почему моя фотография в красных пятнах и к тому же порезана?

— Это на вокзале в Москве меня взяли и били товарищи Блёклый и Замшелый. Я защищал ВАШУ фотографию своим телом, а они резали прямо через меня, вот и порезали. А красная, потому что это кровь моя рабочая пролилася! — стараясь вспомнить всё уже по сие время совранное, снова соврал я.

Вождь слегка нахмурился. Сразу же затопали ноги, раздались крики, после чего ОН снова улыбнулся и проронил не без гордости:

— Таких людей у нас никогда не было и не будет! Им с нами не по пути! Вам же за проявленный героизм полагается или Орден Дружбы Всех Планет, или *«пожизненный запас»* сами понимаете чего!

— *«Пожизненный запас»* мне милее. Посудите САМИ — ведь приедешь в родную газету «Глуподырь Дуботолк» с орденом — побьют, а приедешь с *«пожизненным»* — полюбят! — выпалил я, не раздумывая.

— Что ж, не орденами едиными, как говорится! Ваш выбор подчёркивает близость к народу! Вы и не представляете вашего счастья — я вот уже мог бы иметь несколько пожизненных за свои-то заслуги... Ступайте... Там вас в приёмной, кажется, дожидается Военный Министр. Вы уж с ним поостороже, иначе он вас непременно затащит на один из своих мерзких банкетов... — отпустил меня с миром Вождь всея Руси.

В ту же секунду кумир всех миролюбивых сил планеты скрылся за занавесом, а я очутился в стандартной чиновничьей приёмной, где в углу пытался слиться с обоями Военный Министр.

— Б-б-б... — только и мог он мне сказать на моё немое приветствие.

— Мне кажется, вы что-то иное имеете в виду! — поддел я его, после чего Министр совсем сник и только что и смог выдать, так это единственное слово:

— БАНКЕТ!

Я сглотнул и широким гостеприимным жестом пригласил Министра в его служебную машину, которая в окружении роты милиционеров, дивизии элитных снайперов, расставленных по всему пути следования, под прикрытием вертолётов и при поддержке Черноморского флота повезла нас в Военное

Министерство. Именно в машине я и передал ему свои записи сверхсекретной военной информации, которой со мною охотно поделились в подведомственной части «Пострелёнок»^[9].

— Скажите сначала, до открытия торжеств, речь! Просим! Просим! — закричал зал, битком набитый генеральскими и маршальскими погонами.

— Только что я был на приёме у тов. Н. Е. Фёдова, и он шлёт вам свой неиссякаемо горячий привет! — начал я в надежде на долгие и несмолкаемые аплодисменты, чтобы хоть немного собраться с мыслями.

Несмотря на то что мои ожидания в полной мере оправдались и зал на весьма продолжительное время взорвался от криков и хлопанья в ладоши, в голове моей нисколько не прояснилось, а потому слова стали вылетать сами без какого-либо контроля с моей стороны. Я взмахнул рукой, ясно представил себе содержимое кобуры начальника «Пострелёнка», грозно нахмурился^[10] и начал:

— Партия во главе с сами знаете КЕМ, только что прибывшим из посёлка с вкусным названием «Разлив»^[11], поставила нас, работников пера, пусть даже и такой занюханной газетёнки, как «Тухлая выхухоль», и вас, дорогие товарищи генералы и примкнувшие к ним маршалы, на службу всего прогрессивного человечества. И мы достойно несли, несём и будем нести это знамя труда за рабочее дело. Знамя, не побоюсь этого слова, великой борьбы абсолютно всех народов... Вот я был с инспекцией в суперсекретной части «Пострелёнок». Вижу по кивкам, что и вы знаете об их секретах, как и все трудящиеся нашей, так сказать, необъятной, не говоря уже о всём прогрессивном человечестве... Так там придумали такое оружие, которому не страшны никакие преграды, о чём я и передал соответствующую служебную записку

Военному Министру. Она сейчас у шифровальщиков. Мне за это орден давали, а я согласился на так называемый «*пожизненный запас*» сами опять-таки знаете чего. Ведь если с сего дня наши ракеты будут летать абсолютно беспрепятственно и независимо от нас, то зачем вообще Военное Ведомство?^[12] Разработанная и обновлённая нашей газетой «Косой Стрелок» стратегия партии на демилитаризацию поддерживается также нотой протеста, после которой все западные державы просто обязаны будут сложить оружие, что позволит нам резко нарастить наше! От радости Иностранный Министр даже чуть не окочурился. Наконец, мы там в глубинке не только щи лаптем хлебаем (хотя и такое бывает). Мы, в нашей газете «Лободырный Негораздок», собрали мнения обыкновенных людей и составили приветственный альбом нашему любимому Вождю тов. Н. Е. Фёдову, и некоторые прямые слова он взял на вооружение — вот она сила народа, вот она сила трёх источников и, не побоюсь этих слов, трёх составных частей!..

Банкет я запомнил плохо, точнее, совсем не запомнил. Помню только, что мне указом по Военному Ведомству было присвоено внеочередное звание генералиссимуса и выдана соответствующая парадная форма. Наутро я проснулся в гостинице прямо напротив Кремля и сразу же побежал за угол в ГУМ за мороженым. Слова Иностранного Министра, что ВСЁ оплачено, я использовал на полную катушку! Эта была лучшая неделя моей жизни! Поскольку среди читателей могут быть не только взрослые, но и дети, то разумно опускаю описание своих дальнейших походов.

В ночь перед отъездом мне не спалось. Я выглянул из окна и обнаружил на Кремлёвской стене напротив изображение портрета нашего главреда, от чего мне стало дурно. Быстро одевшись, тем не менее, я выскочил на улицу, подбежал к месту происшествия, но вместо портрета увидел нескольких молодчиков, которые отдубасили меня как свидетеля сверхсекретной операции сами знаете кого и отобрали одежду. Как вы понимаете, в поезде я ехал одетый в форму генералиссимуса, и только заслуженный *«пожизненный запас»* спас меня от очередного рукоприкладства в мой адрес. А за наш городок я вообще не беспокоился — у нас уже давно никто ничему

не удивляется! Так что ходи тут сам марсианин с плавающими антеннами, никто даже не почесется.

Чтобы прикоснуться к святому дару Вождя, а заодно и стать поближе к заветному «*пожизненному запасу*», главред тов. Напопов нашей по-прежнему малоизвестной газеты «Дырявый Бурдюк» сделал меня своим первым заместителем, а я продолжал писать про урожай помидоров на приусадебных участках, традесканции на окнах доярок и окружающие нас непролазные буреломы — гордость советского труженика!

Глава 2. Завещание Вождя мирового пролетариата

- Нет, барин, навряд дело этим кончится.
Теперь ему трудно кончиться.
- А как же и когда оно, по-твоему, кончится?
- Когда! Когда побелеет воронье крыло.^[13]

Не прошло и минимально достаточного времени, чтобы начисто забыть бред моей командировки в Москву безо всякой темы, как последовало, конечно же, и продолжение этой истории, поскольку ни чина генералиссимуса, ни особенно *«пожизненного запаса»* с бухты-барахты не дают. Оказалось, обе награды были назначены не в шутку, и непосредственно перед отбытием в иной мир на заслуженный отдых Вождь всего пролетариата тов. Н. Е. Фёдов, будучи уже не в себе, через недельку после моего отъезда подмахнул-таки приказ о моём назначении в чин генералиссимуса. Сразу после этого наступила эпоха, которую в нашем «Засаленном Картузе» называли *«никто не хотел умирать»*, то есть в том смысле, что очередной престарелый генсек заступал на должность на денёк-другой и отбывал потом под Кремлёвскую стену, которая тоже уже упомянута ранее, хотя и не в таком прискорбном аспекте. Так вот, колёса Военного Министерства закрипели и стали вращаться уже независимо от нашего сознания, то есть вполне себе объективно, как учит единственно правильное учение диамата^[14].

Первой приметой моего продвижения в ряды Номенклатуры^[15] явился чудной провод, который был протянут за одну ночь от самого Кремля до моего

кабинета в газете «Ржавый Шпindelъ», на конце которого красовался новенький правительственный телефон. Само собой, чин по чести, сначала этот провод хотели, естественно, по-простому срезать на ценные металлы, но он не поддавался не только попыткам его оборвать, отгрызть или перекусить, но и более серьёзным стараниям взорвать, перестрелить или обрубить тяжёлой сельскохозяйственной, строительной или военной техникой, начиная от бензопилы с неожиданным названием «Дружба» до ходячих экскаваторов и тяжёлого танка «Мотылёк» (тут за дело рьяно взялась наша подшефная суперсекретная военная часть «Пострелёнок»).

— На-на-на, — как всегда беспечно напевал главред тов. Напопов, заглядываясь уже с утра на одно из нетленных произведений человеческого духа из *«пожизненного запаса»* объёмом в пол-литра, когда я пришёл в редакцию, а потом продолжил, намекая на таинственный провод:

— Народ не может убрать твой провод — он застилает нам вид на его единственное богатство — тайгу, по которой он предпочитает проходить, как хозяин!

— Я тут ни при чём! Пусть сушат на нём бельё, например. Мы можем дать соответствующее опровержение! — не растерялся я.

— Ну и славно! Может быть, перед летучкой... — без особой надежды спросил Напопов, указывая глазами на продукт *«человеческого духа»*.

Я оставил его вопрос без комментариев и с головой ушёл в работу. Даже после формального опровержения слухов о якобы имевшем место быть проведении секретного правительственного провода в редакцию газеты «Чёрная Лузга» люди стали проникать в редакцию под всякими предлогами, начиная от взлома здания газеты по ночам и до маскировки под доярок,